

Цзи Хэн видел сон о Тянь Ци. И сон этот был постыдным. Когда он проснулся, в комнате витал едва уловимый аромат драконьей амбры. Цзи Хэн перевернулся на спину, тонкое одеяло соскользнуло, и из-под него вырвался запах, который заставил его лицо вспыхнуть от жара.

Цзи Хэн тихо вздохнул.

Мало того, что он, будучи императором, видел подобные сны, так еще и объектом его грез стал евнух.

Цзи Хэн чувствовал себя крайне неловко. Он закрыл глаза, но перед мысленным взором вновь возникло то соблазнительное тело, а на нем — все то же лицо, от которого становилось так не по себе.

Пришлось открыть глаза и слегка помассировать виски.

Должно быть, это из-за того, что днем Тянь Ци наговорил всяких глупостей, признаваясь в верности, вот ночью разум и сыграл злую шутку. Цзи Хэн пытался найти рациональное объяснение: сны причудливы и непредсказуемы, не стоит принимать их близко к сердцу.

Однако, как бы он ни старался себя убедить, на душе оставался неприятный осадок.

Утром, когда слуги явились во дворец Цяньцин с утренним приветствием, Тянь Ци, набравшись смелости, затесался в их ряды, украдкой поглядывая на лицо императора.

Выглядит он как-то неважно?

В этот самый момент император внезапно посмотрел прямо на нее. Взгляд его, острый, словно кинжал, казалось, стремился рассечь ее пополам, чтобы заглянуть внутрь.

Тянь Ци поспешно опустила голову, подумав, что сегодня император не в духе, и нужно вести себя тише воды, ниже травы. Вчера ей удалось отвести подозрения, но в сердце императора наверняка закрались сомнения. Нужно при первой же возможности доказать свою преданность.

Утро прошло спокойно. После утреннего доклада и визита к вдовствующей императрице Цзи Хэн, как обычно, отправился во дворец Янсинь заниматься делами.

Но стоило ему увидеть Тянь Ци, стоящую в стороне, как на душе снова становилось беспокойно. Перед глазами невольно всплывал тот нелепый сон, и раздражение на Тянь Ци росло. Он не сдержался и бросил на нее гневный взгляд.

Тянь Ци: «...»

Она понятия не имела, в чем снова провинилась. Мысленно прокрутив события дня, она вспомнила одну деталь. Тянь Ци достала из рукава аккуратно сложенный платок и обеими руками протянула его Цзи Хэну:

— Ваше Величество, это ваш платок. Благодарю за милость, что одолжили его мне. Это императорская вещь, я не смела оставлять ее у себя, поэтому постирала. Хорошо, что сейчас лето, высохло быстро.

Она помнила, как в прошлый раз император был недоволен из-за платка, и решила, что сейчас он злится по той же причине.

К ее удивлению, император отложил кисть и посмотрел на нее с опасным прищуром:

— Неужели я настолько мелочен, что пожалею для кого-то платок?

Тянь Ци показалось, что этот император совсем не тот, что был раньше. Ей оставалось лишь убрать платок и с виноватой улыбкой сказать:

— Раба неверно истолковала волю государя. Я глупа, благодарю за щедрость.

Увидев ее подобострастный вид, Цзи Хэн нахмурился. Он не стал брать кисть, а поднялся, решив немного пройтись.

Шэн Аньхуа сейчас не было, поэтому Тянь Ци, естественно, заняла его место, сопровождая Цзи Хэна. Прогуливаясь, они незаметно подошли к воротам Чунхуа и увидели, что внутри несколько наложниц вместе со служанками играют в цуцзюй.

Многие знали, что будучи наследным принцем, император любил эту игру, но теперь, в своем величии, он, конечно, не стал бы играть сам. Однако любовь к игре никуда не делась, и некоторые пытались на этом сыграть. Тянь Ци сама так делала, и результат был неплох.

Наложницы, возможно, начали играть, чтобы угодить императору, но сейчас они так увлеклись, что даже не заметили приближения Цзи Хэна.

Тянь Ци окинула взглядом группу: среди трех наложниц были пинь, чжао и мэйжэнь, а старшей по рангу была Вань-пинь.

Тянь Ци знала о дурной привычке императора подглядывать за другими, и, видя его живой интерес, не стала портить момент, выкрикивая о прибытии государя.

В этот момент одна из служанок с силой ударила по мячу, и тот полетел за ворота. Увидев императора, все замерли, с ужасом глядя, как мяч летит прямо в него.

Тянь Ци среагировала мгновенно: она прыгнула вперед, заслоняя собой Цзи Хэна:

— Ваше Величество, берегитесь!

Удар мячом не смертелен, а шанс проявить преданность перед лицом святейшего упущен быть не должен. В ту долю секунды, когда мяч должен был врезаться ей в лицо, Тянь Ци все еще строила планы.

Ей так нужна была его благосклонность.

Однако боли не последовало. Цзи Хэн схватил ее за плечи и резко дернул назад, уводя с траектории полета. Затем, слегка коснувшись мяча плечом, он подбросил его в воздух. Все произошло так быстро, что Тянь Ци не успела ничего понять. Едва устояв на ногах, она увидела лишь мелькнувший перед глазами коричнево-красный снаряд.

Окружающие были поражены быстротой реакции и ловкостью императора.

Тянь Ци еще не пришла в себя, как почувствовала, что руки на ее плечах сжались сильнее.

Тело Цзи Хэна взмыло в воздух, опираясь лишь на плечи Тянь Ци. Он, используя ее как опору, напряг поясницу, развернулся, вытянутой ногой сбалансировал тело, а другой нанес точный удар по падающему мячу. Мяч, вращаясь, влетел прямо в Фэнлюянь — отверстие в воротах. В глазах присутствующих он прочертил четкую темную кривую, словно лезвие ножа, вонзившееся в горло жертвы.

Все застыли в немом изумлении.

Весь процесс был подобен текучей воде — ни единого изъяна. Взлетающая фигура императора была стремительнее орла и резче коршуна. Черода движений, выполненная за кратчайшее мгновение, навсегда врезалась в память: каждая деталь была настолько ясной, будто время замедлило свой бег.

Тянь Ци не видела этой прекрасной картины, потому что находилась в самом ее центре. Его руки сжимали ее плечи, их лица были так близко. Она видела дерзость в его глазах, видела легкую усмешку в уголках губ. Его тело вращалось в воздухе, и ветерок шевелил его волосы, которые касались его ярко-красных губ. Фон за его спиной постоянно менялся: синее небо, зеленые деревья, желтая глазурованная черепица.

Когда Цзи Хэн приземлился, Тянь Ци вынужденно качнулась. Теряя равновесие, она инстинктивно вскинула руку и обняла его за шею.

Цзи Хэн почувствовал, что она падает, и быстро обхватил ее за талию, чтобы удержать.

Когда они замерли, их поза была крайне двусмысленной. Один обнимал за шею, другой — за талию, они смотрели друг другу в глаза, не в силах вымолвить ни слова.

Все видели, как мяч влетел в Фэнлюянь, и уже приготовились ликовать, но, увидев эту сцену, вмиг прикусили языки.

Лишь несколько заторможенных людей не успели вовремя остановиться, и вокруг раздались редкие, неловкие хлопки.

Цзи Хэн, держа Тянь Ци за талию, чувствовал под ладонями мягкость и тонкость ее стана. Взглянув вниз, он увидел, что Тянь Ци почти вжалась в его объятия, одной рукой обнимая за шею, а другой держась за его рукав. Очевидно, от шока ее глаза широко распахнулись, а ярко-красные губы были слегка приоткрыты, выпуская горячее дыхание.

Безмолвный соблазн.

Солнце палило нещадно, и голова Цзи Хэна пылала. Глядя на Тянь Ци, он спросил:

— Все еще не хочешь отпустить?

Лицо Тянь Ци мгновенно залилось краской, она поспешно отстранилась.

Цзи Хэн отпустил ее, выпрямился и демонстративно завел руки за спину. Тянь Ци, решив, что император снова ею недоволен, поспешно отступила на шаг, увеличивая дистанцию.

Ее щеки все еще горели, она опустила взгляд в землю. Цзи Хэн, заметив, что мочки ее ушей покраснели до такой степени, что, казалось, вот-вот закапает кровь, невольно усмехнулся.

Он осознал, что уже привык к подобным вольностям со стороны евнуха, и это не вызывало у него того отвращения, которого он ожидал. Это открытие привело его в замешательство, поэтому он фыркнул, больше не глядя на Тянь Ци, и вошел в ворота Чунхуа.

Внутри все поспешили поклониться. Заметив бледность Вань-пинь, Цзи Хэн поинтересовался ее самочувствием, но стоило ему задать вопрос, как Вань-пинь тут же упала в обморок. К счастью, служанки успели ее подхватить.

Цзи Хэн приказал отнести ее во дворец и вызвать лекаря. Все думали, что это просто солнечный удар, но лекарь сообщил: Вань-пинь беременна.

Тянь Ци, стоявшая рядом, первой услышала эту новость и невольно цокнула языком: как же повезло Вань-пинь, забеременеть после первой же ночи с императором.

Цзи Хэн был удивлен, но, конечно, больше всего — рад. Больше всех обрадовалась вдовствующая императрица, которая только на днях сетовала на отсутствие маленькой внучки, а тут — беременность.

Вань-пинь, услышав это, не обрадовалась: что за намеки, почему обязательно девочка?

Честно говоря, Цзи Хэн тоже хотел дочь. У него уже был сын, а учитывая непоседливость Жуи, если появится еще один такой же, он разнесет весь дворец.

К тому же, мать Цзи Чжэна оставила после себя дурную славу, и Цзи Хэн с вдовствующей императрицей прекрасно это помнили. Вань-пинь имела высокое положение, а ее семья была тесно связана с Сунь, так что у нее была мощная опора. Даже если бы Цзи Хэн захотел еще сыновей, он не желал бы, чтобы они рождались от таких людей. Кто знает, что будет в будущем.

Мало кто понимал мысли Цзи Хэна, и Тянь Ци была одной из тех, кто их разделял. Но ее больше заботило другое: не навредит ли ей Вань-пинь?

Раньше Вань-пинь была нелюбимой наложницей, и Тянь Ци ее не боялась, но теперь, когда она носит ребенка, все изменилось. Император два дня подряд проводил у Вань-пинь, и хотя она не могла исполнять супружеский долг, это была великая честь, о которой другие могли лишь мечтать. Вань-пинь буквально сияла, и даже походка ее стала легче.

Тянь Ци взвесила все за и против и решила, что Вань-пинь вряд ли станет с ней связываться. Во-первых, трогать людей из окружения императора — большой риск. Во-вторых, Вань-пинь может и не знать о ее конфликте с Сунь Фанем. Сунь Цунжуй не дурак, чтобы раздувать скандал из-за глупостей сына.

Но вскоре Тянь Ци поняла, что ошибалась. Нельзя судить о женщинах по меркам мужчин, и уж точно нельзя считать всех такими же рассудительными, как Сунь Цунжуй.

Этой ночью Цзи Хэн остался во дворце Вань-пинь.

Он снова увидел во сне Тянь Ци, и на этот раз не проснулся, спал крепко и сладко. Утром он вновь обнаружил, что его нижнее белье влажное. Вспоминая сон, он чувствовал себя так, будто все происходит наяву.

Ну что за... Эх.

Вань-пинь хотела помочь ему переодеться, но Цзи Хэн, чувствуя стыд, отказался и сделал все сам. Вань-пинь сочла это проявлением нежности и была счастлива.

Весь день Цзи Хэн был не в своей тарелке. Он думал, что причина снов — их чрезмерная

близость с Тянь Ци днем, его искушение, которое ночью превращается в порочные видения.

Хотя он находил себе оправдание, на душе было беспокойно, и при виде Тянь Ци он снова хмурился.

Тянь Ци не знала, в чем провинилась, лишь про себя повторяла: «Ваше Величество, у вас снова приступ безумия».

Вечером Цзи Хэн не захотел никого вызывать и снова остался у Вань-пинь. На этот раз кошмаров не было, и он остался доволен.

Через несколько дней Вань-пинь оправилась, и император разрешил ее родне навестить ее. Мать Вань-пинь была из небогатой семьи, робкая и безвольная, а вот тетя — женщина властная. Этой тетей была мать Сунь Фаня.

На этот раз вместе с родными Вань-пинь пришла и ее тетя.

У тети были свои расчеты. Ее родня по сравнению с семьей Сунь была никем, и то, что она стала главной женой в доме Сунь, было чистой случайностью. Она всегда чувствовала себя неуверенно, но внешне старалась казаться сильной и грозной. Теперь, когда ее племянница носила наследника, она чувствовала себя победительницей и разговаривала с куда большей уверенностью.

Случилось так, что ее сына обидел дворцовый евнух, и она решила использовать племянницу-наложницу, чтобы отыграться. Она накрутила невестку, убедив ту, что произошло нечто ужасное. Вань-пинь, будучи обязанной семье Сунь, приняла слова тети близко к сердцу. Услышав о жестокости Тянь Ци и вспомнив его холодное отношение, она постепенно зачислила его в ряды своих врагов.

Тетя добавила:

— Эти евнухи только и знают, что подлизываться к сильным. Раньше, когда вы были в опале, они вас ни во что не ставили, а теперь, когда вы стали важной особой, они снова приползут. Нужно проучить их, чтобы знали, кто здесь настоящая госпожа.

Последние слова пришлись Вань-пинь по душе. Место императрицы пустовало, и кто из амбициозных наложниц о нем не мечтал? Тетя убедила ее, что нужно наказать пару слуг для острастки.

Конечно, Вань-пинь не была глупой: даже если Тянь Ци — враг, трогать его опасно, ведь он человек из окружения императора. Наказать его — значит ударить по лицу самого императора.

Однако этот евнух был слишком дерзок: даже когда она забеременела, и даже Шэн Аньхуай

приветствовал ее с улыбкой, Тянь Ци продолжал смотреть на нее с пренебрежением.

Это уже ни в какие ворота не лезло!

Вань-пинь чувствовала, что Тянь Ци ее презирает, а еще — ненавидит. Да, этот евнух постоянно строит козни семье Сунь, а если семье Сунь будет плохо, что хорошего ждет ее?

Вместо того чтобы ждать удара, лучше самой разделаться с этим наглецом, заодно показав родне и семье Сунь свою силу.

Хотя евнухов из свиты императора трогать не стоит, но если сделать все чисто, кто посмеет что-то сказать?

Вань-пинь стиснула зубы, на ее нежном лице отразилась жестокость и предвкушение.

Тянь Ци не знала, что против нее плетут интриги. Она старалась быть хорошей слугой, но император был непредсказуем: то улыбался как весенний ветерок, то хмурился как осенний иней. Тянь Ци оставалось лишь ворчать, что у него не просто приступы, а полное расстройство психики.

Император, страдающий расстройством, иногда проявлял заботу о Вань-пинь, присылая ей отвары из императорской кухни и поручая их доставку своим доверенным людям.

Чаще всего это были Шэн Аньхуай или Тянь Ци.

Тянь Ци терпеть не могла видеть Вань-пинь, и чувствовала, что та отвечает ей тем же. Поэтому каждый раз, доставляя что-либо, она была подчеркнута официально и немногословна.

На этот раз она должна была доставить отвар из серебряных грибов, бамбука и семян лотоса. Она взяла двух евнухов из дворца Цяньцин, чтобы те несли еду, а сама шла налегке.

Это было не из лени. За семь лет во дворце Тянь Ци стала мудрее лисы. Когда наложницы беременны, случается всякое, и наличие свидетелей было необходимо.

Мало того, она взяла с собой Ван Мэна. У того был особый дар — определять состав лекарств по запаху. Тянь Ци всегда просила его проверить еду для Вань-пинь, чтобы не стать пешкой в чужой игре.

Все прошло как обычно: Тянь Ци пришла во дворец Вань-пинь, попросила оставить еду и, обменявшись парой вежливых фраз со служанками, ушла.

Но едва она вернулась во дворец Янсинь, как пришло известие: Вань-пинь внезапно стало плохо, вызвали лекаря.

Сердце Тянь Ци екнуло.

Цзи Хэн бросил на нее взгляд, ничего не сказал и повел ее в павильон Банановых листьев, где жила Вань-пинь.

Во дворе росло много банановых деревьев. Когда шел дождь, их широкие листья выглядели очень живописно. Сейчас же, в ясную погоду, густые заросли напоминали зеленую стену, делая двор пустынным и печальным.

Тянь Ци следовала за Цзи Хэном, обходя зеленую стену.

Поскольку павильон находился далеко от дворца Янсинь, когда они прибыли, вдовствующая императрица уже была там, как и наложницы Дэ, Шунь и Кан. Благодаря присутствию императрицы, внутри было тихо.

Цзи Хэн слегка нахмурился, увидев мать:

— Жара такая, неужели слуги так небрежны, что заставили вас прийти сюда, матушка?

Вдовствующая императрица вздохнула:

— Если бы я не пришла, моя бедная внучка могла бы уже стать призраком.

Другие наложницы поспешили выразить скорбь, хотя истинные чувства их были скрыты.

Цзи Хэн понял, что дело нечисто, и спросил лекаря:

— Что произошло?

Лекарь ответил:

— Ваше Величество, Вань-пинь случайно съела сафлор, что повредило плоду. К счастью, съела она немного, сейчас угрозы жизни нет, нужен покой.

Сафлор для беременных — яд. Цзи Хэн рявкнул:

— Слуги ослепли? Как они допустили, чтобы хозяйка съела сафлор?

Главная служанка Вань-пинь упала на колени:

— Ваше Величество, молю о милости! Мы всегда служили преданно. Но этот отвар был дарован вами, Вань-пинь, ценя вашу милость, не хотела, чтобы его пробовали другие, и сама выпила несколько ложек, а потом... — она покосилась на лекаря.

Лекарь пояснил:

— Ваше Величество, я проверил: в отваре действительно был сафлор.

Вдовствующая императрица спросила:

— Кто доставил этот отвар?

Служанка указала на Тянь Ци. Цзи Хэн тоже посмотрел на нее тяжелым взглядом.

Все остальные поняли, что это Тянь Ци, и уставились на нее.

Тянь Ци почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она опустилась на колени:

— Ваше Величество, вдовствующая императрица, я действительно доставила отвар по приказу государя. Со мной были еще два евнуха, мы можем подтвердить, что никто не прикасался к еде.

Она помедлила, решив пока не упоминать Ван Мэна.

Цуйчжу, личная служанка Вань-пинь, тут же перебила:

— Зачем отвар сопровождать тремя людьми, если не для того, чтобы замести следы?

Тянь Ци ответила:

— Когда дело касается наследника, осторожность не бывает лишней.

— Даже так, вы втроем могли сговориться.

Тянь Ци холодно сказала:

— Вы хотите сказать, что сафлор подсыпала я? — она подняла взгляд на императора. — Я

всегда была верна, я желаю императорскому дому процветания, зачем мне вредить наследнику?

Вдовствующая императрица не знала, верить ли ей. Ей нравился этот евнух, но в глубинах дворца все возможно. Она посмотрела на наложниц Дэ и Шунь, которые временно управляли гаремом:

— Что думаете?

Обе наложницы колебались. Главное, они не знали, какова воля императора. Если Вань-пинь в порядке, они могли бы подыграть ей, но дело касалось человека из свиты императора. Станет ли он ее защищать?

Однако евнух — всего лишь евнух, он не сравнится с наследником. Если Тянь Ци виновна, император не будет медлить. Наложница Дэ сказала:

— Дело серьезное, нужно тщательно расследовать, не стоит делать поспешных выводов.

Наложница Шунь согласилась.

Тянь Ци не хотела, чтобы они расследовали. Она знала, что их не волнует справедливость, им нужен козел отпущения.

Цуйчжу снова подала голос:

— Ваше Величество, у меня есть что сказать.

— Говори.

Цуйчжу посмотрела на Тянь Ци:

— Наша госпожа однажды обидела этого евнуха.

— Что за чушь, разве госпожа может обидеть слугу?

— Простите за дерзость. В день праздника Дуанью наложница встретила Тянь Ци в саду. Он потребовал награду, госпожа дала ему два золотых слитка. Но он высмеял ее, сказав, что она скупа, и что в других дворцах дают больше. Госпожа пыталась объяснить, но он лишь насмехался. Когда она сделала ему замечание, он ушел, угрожая, что сделает ее жизнь невыносимой.

В нескольких словах она нарисовала портрет жадного и наглого слуги. Тянь Ци была поражена ее способностью лгать.

Теперь она поняла: это Вань-пинь решила ее подставить. Иначе Цуйчжу не стала бы выдумывать такую чушь.

Вдовствующая императрица и наложницы с подозрением посмотрели на Тянь Ци.

Лишь Цзи Хэн оставался бесстрастным. Он сухо сказал:

— Запереть всех, кто готовил и доставлял еду. Дело касается наследника, я буду разбираться сам.

Наложницы облегченно вздохнули. Вдовствующая императрица осталась довольна тем, что император наконец проявил заботу о потомстве.

Тянь Ци отправили в Управление дворцовых дел. Чтобы они не сговорились, их держали в разных комнатах. Поскольку император приказал не обижать их до окончания следствия, отношение к ней было сносным.

Тянь Ци сидела в Управлении дворцовых дел, уставившись в стену, и обдумывала план действий. Она знала подоплеку событий, хотя и не понимала, почему Вань-пинь так ополчилась на нее и зачем пошла на такой риск.

Однако знала об этом только она. Если она сейчас заявит императору, что его наложница намеренно подсыпала сафлор, чтобы ее подставить, а причин тому она не ведает — ну, разве что та сошла с ума, — то император решит, что сошла с ума именно Тянь Ци.

Иными словами, даже если она выложит всю правду, ей никто не поверит.

Что за напасть! Тянь Ци от досады принялась скрести стену. Поразмыслив, она поняла: раз Вань-пинь действовала сама, то найти свидетелей или улики будет крайне сложно. Если дело замнут, а виновного не найдут, кто-то все равно должен будет понести наказание. А поскольку у них с Вань-пинь возник конфликт, она — идеальный козел отпущения.

Единственный выход — доказать свою невиновность самой.

Тянь Ци принялась неистово колотить в дверь:

— Эй, кто-нибудь! Мне нужно видеть императора! У меня есть важные сведения для него!

Учитывая положение Тянь Ци, стража тут же доложила обо всем Цзи Хэну, и тот разрешил ей

личную аудиенцию.

Тянь Ци держалась спокойно, не пытаясь больше бросаться в ноги и рыдать. Она знала: если сейчас не объяснится четко и ясно, ей уже ничего не поможет.

— Ваше Величество, я всегда была предана вам и никогда не посмела бы посягнуть на жизнь наследника, — начала она с заверения в верности.

— Ты только за этим пришла? — Цзи Хэн отложил книгу и внимательно посмотрел на стоявшую перед ним девушку.

— На самом деле я догадываюсь, в чем тут дело, но боюсь, что если расскажу все сразу, то лишусь головы. Поэтому умоляю вас позволить мне самой заняться расследованием. Как только у меня будут доказательства, я сразу доложу вам правду.

Цзи Хэн молчал. Тянь Ци решила, что он счел просьбу слишком дерзкой, и добавила:

— Если вы мне не верите, можете приставить ко мне людей, чтобы следили за каждым моим шагом. Я...

— Тянь Ци, — внезапно прервал ее Цзи Хэн, — ты мне не веришь.

Тянь Ци опешила.

— Не веришь, что я смогу восстановить твою справедливость?

Тянь Ци открыла рот и ответила:

— То, что вы готовы так сказать, уже величайшая милость для меня.

Цзи Хэн помолчал, а затем произнес:

— Делай, что считаешь нужным, но не привлекай лишнего внимания. Посмотрим, что тебе удастся выяснить.

Когда Тянь Ци, поблагодарив, вышла, Цзи Хэн долго смотрел на книгу, лежавшую на столе, а потом тяжело вздохнул.

Тянь Ци не верит ему.

Эта мысль разочаровала его. Он с самого начала знал, что убийца не она. Даже если не принимать во внимание ее характер, он знал ее ум: столь топорный способ отравления — это

не в ее стиле. Но на глазах у всех он не мог выгородить ее без веских доказательств, поэтому пришлось заключить ее под стражу, чтобы дожидаться прояснения ситуации. Он взял дело под свой контроль именно потому, что боялся, как бы кто другой не вынес несправедливый приговор.

Однако Тянь Ци ему не верит. Не верит, что он сможет ее защитить.

В душе Цзи Хэна вдруг всплыла мрачная мысль: ну что ж, когда у тебя ничего не выйдет, посмотрим, как ты будешь молить меня о пощаде.

Тянь Ци взяла чашу с уликой и отправилась в Управление вин, уксуса и лапши к Ван Мэну. Двое соглядатаев, приставленных Цзи Хэном, следовали за ней по пятам.

Ван Мэн, за исключением медицины, во всем остальном был довольно непонятлив. Он еще не знал о беде, приключившейся с Тянь Ци, поэтому, когда она протянула ему чашу с супом, он без задней мысли отпил.

— Ну как? — спросила она.

— М-м, вкусно, — ответил Ван Мэн.

Тянь Ци, не церемонясь, отвесила ему пару крепких щелчков по лбу.

Ван Мэн от такого воздействия мигом пришел в себя и нахмурился:

— Только вот зачем в этот питательный суп добавили сафлор, обладающий кроворазжижающим действием?

Тянь Ци тут же спросила:

— Кроме сафлора, там есть еще какие-то лекарства?

— Есть другие добавки. В медицине и продукты вроде грибов или семян лотоса могут считаться лекарствами, — с научной серьезностью ответил Ван Мэн.

Тянь Ци отбросила добавки и спросила:

— Можешь понять, как именно добавили сафлор?

— Я чувствую, как его готовили, — Ван Мэн зачерпнул еще пол-ложки, попробовал и причмокнул: — Скорее всего, добавили настой сафлора. Если бы его варили вместе с супом, вкус был бы иным.

Тянь Ци потерла подбородок:

— А если бы это был порошок сафлора?

— Если бы порошок, даже самый мелкий, в супе остался бы осадок. Но я его не почувствовал, — Ван Мэн помешал суп ложкой. — Смотри, на дне чисто.

Тянь Ци все поняла и спросила:

— Если беременная съест это, как скоро у нее заболит живот?

— Зависит от количества. Если съесть много, будет выкидыш.

— Только пару ложек.

— Сафлора здесь немного, от пары ложек выкидыша не будет, но плод может пострадать. Если и начнется реакция, то через час-два после еды, зависит от организма.

— А может ли живот заболеть сразу?

— Невозможно, это же не яд мгновенного действия.

Тянь Ци довольно удалилась. Учитывая, что Ван Мэн сейчас всего лишь мелкий евнух, его слова не будут иметь веса, поэтому, вернувшись во дворец Цяньцин, она попросила императора вызвать главного лекаря, который лично наблюдал за здоровьем государя. Другим она не доверяла.

Цзи Хэн не знал, что она задумала, но просьбу выполнил.

Тянь Ци показала суп лекарю и задала те же вопросы. Ответы совпали с мнением Ван Мэна. Только лекарь был стар, и его вкус не был столь острым, поэтому он не мог сказать, настой это или отвар, но подтвердил: это точно не порошок.

Отпустив лекаря, Тянь Ци повернулась к Цзи Хэну и разложила все по полочкам:

— Я отвечала только за то, чтобы донести суп из Императорской кухни до Павильона Банановых листьев. В остальное время суп был не у меня. Значит, если бы я хотела подсыпать сафлор, мне пришлось бы заранее приготовить настой и добавить его по пути. Но носить с собой флакон, открывать его, вливать — это слишком подозрительно. Если бы я была злодейкой, я бы не выбрала такой способ.

— Значит, и я, и двое евнухов, что шли со мной, невиновны. Цуйчжу подозревает, что мы сговорились. Но зачем мне звать сообщников, если я могла сделать все сама? Это нелогично.

— Значит, проблема либо в кухне, либо в Павильоне. У меня есть друг, который по одному запаху может определить состав блюда. После того как я забрала суп, он его проверил — сафлора там не было.

— Следовательно, его добавили уже в Павильоне. Да и вы сами слышали лекаря: от пары ложек живот не заболит мгновенно. Почему же, как только я вернулась с докладом, евнух из Павильона сразу примчался с обвинениями? Тут явно что-то нечисто.

Тянь Ци выпалила все это на одном дыхании и смело посмотрела в глаза Цзи Хэну. Наконец-то ей не придется быть козлом отпущения.

Цзи Хэн подошел ближе и склонился над ней. Они молча смотрели друг на друга.

Тянь Ци не понимала, что это значит, но атмосфера стала странной. Смутившись, она опустила взгляд:

— Ваше Величество?

Цзи Хэн внезапно схватил ее за подбородок, заставляя поднять голову. Его пальцы сжимали кожу довольно сильно, было больно. Тянь Ци нахмурилась, глядя на него, и увидела в его глазах сложные, непонятные чувства. Казалось, он в дурном настроении. Тянь Ци испугалась:

— Ваше Величество? — она действительно не понимала, что опять сделала не так, и ждала хоть какого-то намека.

— Тянь Ци, ты слишком умна, — пробормотал Цзи Хэн, словно сам себе. — Тебе следовало бы быть глупее.

Это что, сейчас ее уберут как лишнего свидетеля? Тянь Ци мгновенно оцепенела, лицо ее побелело, и она задрожала:

— Ваше Величество... пощадите...

Цзи Хэн видел, что она молит о пощаде, но совсем не так, как он ожидал. Ее глаза затуманились от страха, лицо было бледным, а губы — ярко-красными, дрожащими, словно лепестки цветка под дождем.

В груди Цзи Хэна стало жарко. Он внезапно наклонился, их носы почти соприкоснулись, но в последний момент он резко остановился.

Тянь Ци замерла, ее лицо залилось краской.

Цзи Хэн разжал пальцы и, закрыв глаза, произнес:

— Уходи.

Тянь Ци только этого и ждала. Получив дозволение, она поспешно выскочила вон.

Уже на улице она прижала руку к груди, размышляя: странно все это, почему ей показалось, что император хотел ее поцеловать?

<http://bllate.org/book/22267/2330918>